

Карина Демина

ВЕДЬМИНА
НОЧЬ

Карина Демина

Ведьмина ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69271597

SelfPub; 2023

Аннотация

Бывший возлюбленный вдруг становится твоим начальником и, опасаясь ревнивой супруги, предлагает тебе перевод? Бывает. Старый коллега преподносит в дар родовую ведьмину книгу и вообще вызывается помочь с переездом? Тоже случается. В славном поселении Упыревка в принципе не понимают, зачем им участковая ведьма, пусть и положенная по штату? Ничего страшного. Яна Ласточкина со всеми разберется. И с бывшим возлюбленным. И с силой дареною, на которую очень много желающих. С князем-упырем, загадочною рощей и древним проклятьем, что повисло над городом. Главное, до ведьминой ночи дотянуть. Найти папоротников цвет. Открыть некогда запертую дверь и выпустить того, кто сокрыт во тьме веков.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Карина Демина

Ведьмина ночь

Глава 1

– Нет в тебе, Ласточкина, понимания момента, – со вздохом произнес Афанасьев. И глянул так, с укором, что я даже почти усовестилась. Усовестилась бы, может, и совсем, если бы не скрипнувшая дверь.

И человек, в эту дверь вошедший.

– Экая ж... гарная паскудина, – Афанасьев обладал воистину удивительной способностью описывать людей. Точно. Емко. И главное, тихо, ибо Окрестин-Жабовский, назначенный нам начальником, не услышал. А может, услышал, но виду не подал. В конце концов, куда их сиятельству-то да до нас снисходить.

Я подавила вздох.

Гарная.

Вот чего у Гришки не отнять было, так это той самой «гарности».

А что, потомок древнего и славного, пускай и поиздержавшегося рода. Высок. Статен. Осанку держит. На люд простой взирает с легкою насмешкой. И главное, физия такая, что

прямо на обложку просится.

Ну или по морде.

– Ласточкина, – меня он все-таки заметил и слегка поморщился. Нет, кто бы другой и не заметил, ибо физию Гришка держать умел. Но я-то его знаю, как облупленного. – Зайдите, будьте любезный.

– И вежливая, – добавил Афанасьев печально.

Еще какая...

Он никогда-то не ругался, Григорий Александрович.

Был мил. Любезен. Очарователен. Настолько очарователен, что шансов у меня не оставалось. Да и не только у меня. В него, почитай, почти весь наш курс был или влюблен или почти. А он пользовался.

Это я теперь умная и понимаю. Тогда же...

Тогда сердце обмирало и ухало куда-то в пятки, когда Гришка брал мою руку. Бережно так. И к губам подносил. И глядел исподлобья с этою своей насмешечкой. Мол, все-то про тебя знаю, все-то вижу.

– Вот... – Афанасьев дождался, когда там, в коридоре, скрипнет дверь, та, которая начальственная. – Я и говорю, что нет в тебе понимания момента! Дала бы ты ему, не переломилась, и ходила бы гоголицею...

Отвечать я не стала.

Проблема не в том, что Гришка ко мне приставал. Нет... проблема как в обратном. То есть, нет, я к нему точно не приставала. И не собираюсь. Не теперь.

– Ладно, иди ужо, я тебе чаечку заварю.

И рукой махнул.

Афанасьев, он добрый. И понимающий. И видят боги, я бы осталась тут с ним, пить крепкий горький чай из старых граненых стаканов, греметь ложечкой по стеклянным стенкам да закусывать свежайшими пирожками, которые Афанасьев брал в булочной на углу. И главное, я тоже туда заглядывала, но на пирожки, чтобы с пылу, с жару, никогда не попадала.

Да, нет во мне чувства момента.

Совсем.

У кабинета высокого начальства, я вытерла вспотевшие руки о юбку. Юбка была форменной, а потому сидела кривовато, как и китель. И чувствовала я себя в этом, как... дерьмово чувствовала.

Не в одежде дело.

И не в двери этой, которая появилась в участке в один день с Гришкой. Её привезли на замену старой, таким символом перемен.

Ненавижу перемены.

Я буравила взглядом темное, с краснотой, дерево, поблескивавшее лаком.

Стучать...

Хрен тебе.

Рука легла на витую ручку. Гришка всегда любил этакое, необычненькое...

– Доброго дня, – сказала я, переступив порог. И не сдержалась. Хмыкнула. Кабинет тоже преобразился. Старый ковер, протертый местами до дыр, исчез, как и письменный стол, и кресло, и все-то прочее, обычное, знакомое до боли.

Ушли в отставку вместе с Михальским.

Зато появились новые панели, явно из какого-то дорогого дерева. И ковер тоже новый. И стол массивный, видом своим внушающий мысли о том, что сидит за ним человек предостойнейший. А еще важный и серьезный. Пресс-папье. Шкаф для бумаг. Сейф мрачной серой громадиной.

– Доброго, проходите, – Гришка указал на стул. Стул, к слову, тоже был новым.

И даже портрет батюшки-императора, к слову, не печатный, как прежний, а писанный маслом. Ну да, как иначе-то... печатные князьям держать неместно.

– Присаживай... ся, – выдавил он и сам дверь прикрыл.

Правда не до конца.

Я что, я и присела.

И смотрю.

Жду.

На нем форма сидит идеально. Но это не Гришкина заслуга, скорее ныне он может позволить себе личного портного. Бесит. И потому нервно одергиваю китель, который норовит задраться.

И вспоминаю, как штопала ему брюки, которые взяли и разошлись по шву.

И носки тоже штопала.

И...

– Яна... ты извини, пожалуйста, что так получилось...

Надо же.

Прежде он не извинялся. И смотрит так, слегка виновато. Только у меня уже иммунитет на его взгляды. А еще я знаю, что на самом деле никакой вины Гришка не ощущает. Не способен просто-напросто. А вот изобразить, это да, это может.

И вину.

И раскаяние.

И любовь в том числе.

– Да ладно, – говорю, – проехали.

И руки складываю на груди. Потом ловлю себя на том, что жест этот враждебный. Нам так штатный мозголом говорил, когда читал курс по психологической оценке чего-то там. Но руки не отпускаю. И под взглядом Гришкиным не теряюсь.

– Ты всегда была умна...

Почему-то это кажется насмешкой.

Ага. Умна. Как два дурных индейца. Так одна моя знакомая говаривала, и была права всецело. Умная бы... что? Не влюбилась бы? А влюбившись, вовремя бы разобралась, что к чему? И не потратила бы семь лет жизни на это дерьмо...

И теперь бы нашла что сказать. Я же молчу.

– И потому понимаешь, что ситуация сложилась крайне неоднозначная... я надеялся, что твое здесь присутствие...

не помешает.

– Кому?

Вздых.

И понятно, кому оно мешает. Незабвенной Машеньке Окрестиной-Жабовской, в девичестве Игнатьевой, нынешней Гришенькиной законной супруге, а заодно уж единственной и горячо любимой доченьке генерала Игнатьева, того самого, который при министрах заседает. И заседая, что характерно, заботится о доченьке.

Ну и о зяте.

Правда, все одно, чуется, Гришку он недолюбливает, иначе к себе бы взял, в министерствы, как на то, подозреваю, Гришенька надеялся. А может, и взял, где-то ж Гришка три года ошивался.

Я не спрашивала.

И не буду.

– Машенька... очень ревнива.

– Сочувствую.

– Прекрати, – Гришка рухнул в кресло. – Если бы ты знала, как я устал от её ревности... подозрений постоянных... от придинок...

– Разведись, чай не девятнадцатый век.

Он глянул исподлобья и, кажется, со вполне искренней ненавистью. Ну да, Игнатьев этакого выверта не простит. Он, сколь слышала, человек старой закалки и разводов не признает. А с его-то возможностями...

Я хмыкнула.

– Смешно тебе.

– А то, – я откинулась на спинку кресла. – Как тебя сюда-то занесло? У тебя же... аспирантура, помнится? Красный диплом...

Сколько я для этого диплома практических сделала. А его работа? Там же две трети расчетов – мои. Нет, Гришка от работы не отлынивал. Вот тут ему надо отдать должное. Он был цепким. Усидчивым. Но порой этого не хватало. Я же...

Я старалась.

Я видела.

Верила.

И помогала. Ведь женщина должна помогать своему мужчине. Вдохновлять. Возвышать. Что там еще?

– Защитился, но... Игнатьев... полагает, что мне не хватает опыта. На земле.

Ага. И на землю эту Гришеньку приземлил к вящему его неудовольствию. Причем из всех отделений столичной полиции выбрав наше, третье.

Хотя... если подумать.

Мы на хорошем счету. Раскрываемость отличная. Работа с населением поставлена. Да и район чистый, благополучный. Тут если чего и случается, то нечасто.

– Ладно, – о прошлом и нынешнем говорить можно долго, но у меня приемный день, а стало быть, у кабинета уже очередь. И не стоит надеяться, что Великоламская к моему

опозданию отнесется снисходительно. Жалобу накает, тут и думать нечего. – Конкретно, Гришаня...

Он терпеть не мог, когда я его так называла.

И теперь от скривился, словно уксуса хлебнул.

– Конкретно... Машенька очень расстроилась, а Игнатъев сказал, что мне пора самому решать проблемы...

– И ты меня увольняешь?

– Нет, – он покачал головой. – Это было бы совсем бесчестно.

Ага, и благородные предки его бы не поняли.

– Я предлагаю тебе перевестись. С повышением. Начальником участка.

Вот... что-то мне сразу и подозрительно стало.

– Куда?

– Бялкина падь.

– А это где?

Чую не в Москве.

– Ну... – Гришка замялся. – Понимаешь... Машенька в положении... ей нельзя волноваться.

Киваю.

И ком обиды подкатывает к горлу. И в ушах стоит вкрадчивый Гришкин голос.

...куда нам сейчас ребенка? Я не доучился, ты тоже... ни жилья, ни работы... это, конечно, тяжело, но надо думать головой. Мы просто не можем позволить себе...

Мы.

А он вполне вот может. Сейчас.

– Это не так далеко... под Смоленском.

Ага.

Странно, что не за Полярным кругом. Там бы, глядишь, драгоценной Машеньке вовсе было бы спокойно.

– Хороший участок. Город имеется. Хутора. Вокруг – заповедные земли. Природа отличная. И снабжение по особому протоколу, – Гришка все же опустился в кресло.

Кожаное. С высокой спинкой, мало от трона отличающееся.

– Оклад двойной, регулярные премии. Да и само по себе место тихое. Давно ничего особого не случилось.

Дыра. Но комфортная.

– Займешься делами своими... наукой... ты же хотела в аспирантуру поступать? Вот и подготовишься... а я помогу?

– Да неужели? – не удержалась я.

Нет, верю, что он сейчас вполне искренен.

– Не в Москву, конечно, но в ту же Тверь или Новгород... там можно поспособствовать. Тем более ты и вправду талантлива... – он слегка замялся и выдал. – Машенька... мальчика ждет.

Угу.

И она. И генерал.

– Игнатьев... человек специфический, но толковых уважает. Напиши пару-тройку статей. Доклад какой к конференции. Выступишь, а там уж я помогу.

Он.

Ну да... еще немного и совсем поверю.

– А если откажусь? – интересуюсь больше проформы ради, потому как уже понимаю, что не получится.

– Тогда все одно переведу... скажем, в Жаморьино. Там давно ведьму просят. Шахтерский городок, публика... специфическая. И климат не особо. За повышенную вредность, конечно, надбавка пойдет...

– Засранец ты, Гришка, – говорю.

– Стало быть, согласна? – расплылся он в улыбке. – Поверь, Яна, тебе там понравится...

С Афанасьевем чаю мы выпили. Был он горек, а пирожки успели остыть, и яблочное повидло казалось каким-то кислым, что ли.

Но я ела.

Нахваливала.

Он вздыхал и шевелил косматыми бровями. И во взгляде Афанасьева чудился укор. Мол, опять сдалась. А надо было возразить.

Пригрозить...

И то лучше, вовсе вступить в неравный бой за личное счастье. Только...

– Завтрева я тебе соберу, – сказал Афанасьев. – Чего положено... и не бойсь, Ласточкина, хорошая ведьма нигде не пропадет.

Так то хорошая.

А я...

Я не ведьма. Так, недоразумение одно... невезучее до крайности. Но бабки мои огорчатся. Особенно Великоламская, которая вон, поутру уже жалобу написала. И на меня, и на Афанасьева, и на соседей своих, которым вздумалось по квартире ходить, а паркет у них скрипучий...

Впрочем, теперь это не мои проблемы.

Я ей посоветовала по поводу паркета и соседей сразу к начальству идти. И понастойчивей. Может, детство и мелкая пакость. Хотя... настойчивости Великоламской не занимать.

Так что...

– Ладно, – я встала. – Мне еще вещи собирать.

– Так быстро?

– А то...

Машенька ведь в положении. Понимать надобно. И не нервировать своим присутствием, что в участке, что в городе.

– Погодь, – Афанасьев тяжело встал. Старый он. И давно уже может на пенсию по выслуге лет уйти. Ему и предлагали. Но Афанасьев отказывался. И вовсе не потому, что пенсия маленькая, скорее уж дело в том, что вся-то его жизнь, по собственному Афанасьева признанию прошла вот тут.

В участке.

И дома, в однокомнатной квартирке, полученной еще лет двадцать тому, его никто не ждал.

Он ушел куда-то в кладовку, которой давно заведовал на

общественных началах, где и шубуршался, долго так, с душой. А я... сидела.

Смотрела.

На стену, на которой снова начала трескаться краска. Светло-зеленая в этом году. Её клали поверх старой, а потому и пары недель не проходило, как краска вздувалась пузырями. Пузыри лопались, а потом краска начинала слезать.

На портреты.

Смешно. Сразу у входа доска с особо опасными и разыскиваемыми. Чуть дальше – другая, уже почета. Правда, не обновлялась она уже лет пять как. И фотки выцвели. И физии, что на одной, что на другой доске, чем-то неуловимо походили друг на друга.

– Вот, – Афанасьев вышел, подволакивая ногу. Никак опять суставы разболелись. А я ж мазь ему делала. – На.

На стол бахнулся сверток.

– Что это?

– А ты поглянь, – он подвинул ко мне. Старая ветошь, бечевка, которую долго приходится пилить ножом. Он у Афанасьева тупой, только масло резать и годится.

Вощеная бумага, которой на почте пакуют посылки.

И...

– Это... – я убрала руки. – Это же...

– Бабки моей, – сказал он печально. – В не так давно отошла.

И перекрестился.

Это он зря.

Такие вещи креста не любят.

– Ведьмою была. Потомственной. И мамке бы моей тоже быть, да она дар будить не стала... сбегла из дому, а после уж поздно. Сама знаешь.

Знаю.

Книга выглядела не просто старой – древней. Обложка из задубевшей кожи потрескалась. Страницы казались желтыми. Но стоило коснуться, и я ощутила эхо силы, той, древней и знакомой каждой ведьме.

– Ну я ж вовсе вот... мужик.

– Все одно мог бы.

– Мог бы, но... – Афанасьев пожал плечами. – Дело-то такое... молодым был. Дурным. Считал, что на кой оно мне? Тогда же ж что? Времена другие были. Совсем. Маги – это да, сила и почет. А ведьмаки с ведьмами, да знахарки – пережиток прошлого. Мошенники и все такое...

Я решила коснуться книги. Кончиками пальцев. И мысленно попросила прощения, что вот так вот.

– А потом уж как-то и отступить не отступишь. Гордость и глупость – страшное сочетание, – он тяжело опустил на стул. – Бабка моя сто пятнадцать лет прожила... тоже гордая. Могла б ученицу взять. Многие просились, а она только глянет и отказывает.

Это уже странно. Ведьмы чужих не любят, но и позволить своему роду прерваться?

– Потом померла...

– Как?

Сто пятнадцать для ведьмы, конечно, возраст, но не сказать, чтобы предельный. А там, под обложкой, чую силу немалую.

Старая книга.

Очень.

– Пожар случился, – Афанасьев поморщился.

Пожар?

Чтобы у ведьмы дом загорелся...

– В селе соседнем. Позвали её. Роженица там... в деревне-то больше ведьмам верят, чем всяким там.

А еще ведьмы как правило ближе, потому что даже сейчас фельдшерско-акушерские пункты далеко не везде есть, не говоря уже о нормальных больничках.

– Она-то роды приняла. И дите омыла. И там праздновали... ну и сильно праздновали. Кто-то сено запалил, не нарочно, скорее всего, да полыхнула... хата незаговоренною была. Это уж потом выяснили-то. Хозяева крепко жадные.

Я только головой покачала.

И положила руки на книгу. Теплая обложка. И отзывается, но нехотя так, словно через силу. Ей и лежать в кладовке наскучило, но не настолько, чтобы кровь чужую принять.

– Вот... она огонь осадить пыталась, да... – Афанасьев махнул рукой. – Обгорела крепко. Ну а там уж и сила, и врачи не сподобились...

Все одно странно.

Старая ведьма по углям пройдет да лесной пожар наступится заставит, а тут... неладно там было, чую. Совсем неладно.

– Наследство от нее, стало быть, – Афанасьев глянул на книгу едва ли не с ненавистью. Ох, чуется, что есть тут подвох. – Но мне оно к чему? Я и бездетный, и крещен... а тебе, авось, сгодится.

– Спасибо, – я встала и поклонилась. – Дар... редкий. Ты ж её...

– Продать? А то, подходили...

– Кто?

– Да вашего бесовского племени... хвостом крутили. Кто прямо, кто исподволь... обменять, подарить взаимно.

Это верно, ведьмину книгу так просто не продашь. Но способы давно уже есть, тот же обмен дарами. Да за эту книгу Афанасьев мог бы квартиру получить...

– Я ничего-то взамен и не дам, – с печалью призналась я. – А ты можешь...

– Что? Квартирку... предлагали. И денег. И вон, жизнь продлить даже... жену хорошую.

– Не согласился?

– А на кой оно мне? Квартирка у меня есть. Деньги тоже. Я никогда-то особо не тратил. Не на что, привык от малым довольствоваться... – Афанасьев кивнул на пирожки. – Жена? Что за жена, которую как скотину, привести-увести можно?

Жизнь? А на кой она мне, такая от... бестолковая? Здоровье. Я ж кой-чего знаю все же. Своего уже нет, а заемное, за которое другие платить будут? Нет... бабка не одобрила бы.

– А меня, стало быть, одобрила бы?

Он хитро прищурился.

– А ты попробуй взять-то?

Я пожалала плечами. И взяла за книгу. Подняла... положила на место. И снова погладила, извиняясь, что от так вот, без ритуала, без почтительности. Пробежалась пальцами по трещинкам на обложке. Хорошая. И устала... что в ней? Не откроешь – не узнаешь. У каждого ведьминового рода старого, своя книга. Иные писаться-то начали на заре времен. И переходят они от матери к дочери, сотню за сотней лет разменивая.

И не мне, выскочке, в которой дару капля, претендовать.

Обложка поддалась и раскрылась, растворяя желтые страницы. Буквы тоненькие, что ниточки, и читать получается с трудом.

«Заклятье на силу женскую»...

– Вот, – Афанасьев удовлетворенно кивнул. – Не знаю, что тут да как, я в ваших делах и вправду понимаю мало, но... признала она тебя.

– Спасибо, – сказала я. И ему. И книге.

Не знаю, примет ли она меня. Шансы, конечно, есть, если я сумела не только открыть, но и прочитать, вот... все одно сомневаюсь. Просто... просто это слишком хорошо, чтобы

быть правдой.

– Сомневаешься? – Афанасьев видел меня насквозь.

Я вздохнула.

– Давай руку, – велел он. И я протянула. Моя ладонь в его огромных ручищах казалась почти детской. Он осторожно перехватил её, сжал пальцы и быстро, я и заметить не успела, кольнул ножом. А тот, даром, что тупой, как не знаю что, взял да пробил кожу.

Мою.

И Афанасьева. А тот руку не отпустил. Сперва мазнул по обложке своею рукой, потом моею. И сказал:

– Кровью своей и правом, ею данным, признаю девицу Яну рода Ласточкиного своею наследницей и доброю волей на благо передаю ей то, чем владею по праву крови...

От тут-то меня ишибануло. Такшибануло, что в глазах темно стало. Я-то и на ногах бы не удержалась, когда б не Афанасьев, который меня презаботливо подхватил под ручки, чтобы на стульчик усадить.

А после еще и кружку сунул с горьким остывшим чаем.

– Пей. Пей, девонька... от так... сперва оно непривычно, а потом уже...

Слышала я его бормотание и пила этот чай, с разноцветною нефтяною пленочкой поверху. Пила и... сила была чудной. Едкой. Тяжелой. И в то же самое время моей.

И...

– Больничного завтра возьмешь... а то и вовсе... я доку-

менты выпишу, привезу-то, все, что должно...

Голос его доносился издалека. А я не могла отделаться от мысли, что все не так-то просто. Что придется платить. И за книгу, и за удачу этакую.

Всегда приходится.

Глава 2

Глава 2

Мой больничный затянулся.

В тот вечер Афанасьев меня домой и доставил. И такси вызвал, и в него же запихал, а уже потом за ручку, считай, вывел. Довел.

И ключи вытащил.

И в кровать уложил, книгу под подушку сунувши. А я... я все понимала, но сила давила изнутри, мешая думать. Да что там, я и дышала-то с трудом.

Сквозь марево боли я слышала, как бродит по квартирке Афанасьев, что-то бормоча. Как уходит он. И как проворачивается ключ в двери.

Как скрипят половицы где-то там, наверху, и стало быть, снова мается болью одинокая старуха Ситникова. Слышала лай собак за окном. И дребезжание трамвая.

Слышала...

Шелест мышей где-то там, в стене. И шорох воды в трубах. Слышала, как вернулся Афанасьев. И долго гремел посудой на кухне.

– Ишь ты... – он заставил меня выпить что-то горькое и горячее. – А гляделася крепкою... смотри, не помри.

Не помру.

Ведьме умереть тяжело. Дар наш от земли идет и от нее

силу дает. И крепнет год от года, род от рода. Чем старше корни, в землю уходящие, тем... а у меня что?

Кто я?

Яна Ласточкина? Сирота беспризорная... мамку помню, но смутно. От нее пахло молоком и навозом, и еще порой – брагою, которую она ставила в огромном бидоне, а после варила на газу.

Помню запах хлеба.

Окно и занавески выцветшие, в клетку. Трещину на стекле, заклеенную бумагой. Я её еще разрисовала... карандаши свои помню. И то, как мама плакала. А чего? Не знаю. Я её обнимала, баюкала... и она меня тоже. Крепко-крепко.

Сила бродила.

Будоражила.

Искала.

Не находила.

Не была моя мамка ведьмой, обычною женщиной, которая рано овдовела, да так и не вышла замуж снова. То ли не захотела, то ли еще чего. Главное, что вдвоем мы жили. Долго. Пока она от рака не сгорела.

Это я уже не помню, а знаю. Выяснила. Потом уже, когда доросла до того, чтобы вопросы задавать.

Она запустила болезнь.

Некогда ей было по докторам ходить. Да и с чем? Немочь? Слабость? А откудава силе взяться-то?

Хозяйство. Корова. Я... и еще привычная муторная рабо-

та, которую не сделает никто другой. Вот и хватилась, когда опухоль на груди выросла до таких размеров, что стало сложно не обращать на нее внимания. Она лечила. Пыталась. И я пыталась, пусть дар был слабеньким, как искорка. Я помню, как накрывала больную мамину грудь ладонями, пытаюсь спрятать то темное и злое, что внутри. А оно пило, пило силы...

Из меня.

Из мамы.

Она умерла в старой больничке, тихо и как-то спокойно, словно у меня действительно вышло забрать её боль. И доктор, седой, с бородкою, долго выпытывал, вправду ли у меня родни нет.

Никакой.

Может, тетка или дядька, или бабка...

А я отвечала, что нету, что только мама. В больничке меня оставили на неделю. Карантин или еще что-то там, уже не знаю, что он написал в бумагах, но на похороны мамы я попала.

Сила отползла, обняла, уже не удушая, успокаивая.

Хотя все одно больно, но сейчас эта боль – моя. И выдержу. Я сильная.

Потом был детский дом. И доктор напоследок сказал:

– Дар у тебя слабый, но ежели с умом, то и искру в костерок раздуть можно. На от, – и сунул сшитые листочки. – Тренируйся.

Листочки оказались старою, печатанною на слепой машинке, инструкцией по развитию способностей. Не хочу сказать, что была я очень умной, скорее наоборот, но когда брала эти листочки в руки, вспоминалась мама.

– Вырастешь, в люди выйдешь, – говорила она тихим голосом. И я, стиснув зубы, повторяла упражнения. Снова. И снова... и снова.

В детдоме было плохо.

Нет, не скажу, что меня кто-то обижал.

Ольга Валерьевна, им ведавшая, была женщиной весьма строгих правил. И спуску не давала никому, ни нам, ни персоналу. А потому кормили нас сытно, одевали тепло, учить учили.

Только...

Я долго не могла привыкнуть. К распорядку, который един для всех. К столовой с серыми стенами и плакатами. Длинным столам. Раздаче.

Одинаковым платьям.

Ощущению, что еще немного и ты потеряешься среди собственных отражений.

Дар спасал. И занятия. И наверное, эффект от них имелся, если в классе шестом, после ежегодного медосмотра, меня вызвали к директорисе. И она уже, строгая и сухая, казавшаяся нам всем равнодушной, поглядела на меня поверх очков.

– Что ж, Ласточкина, рада тебе сообщить, – голос у Ольги Валерьевны тоже был каким-то безликим, словно механиче-

ским. – Что уровень дара достаточен для перевода в заведение для одаренных. И если ты согласна, я подготовлю документы.

Тогда мне вдруг стало страшно.

В конце концов, наш детский дом был неплохим. И те, кто попадал в него извне, из других приютов, рассказывали... в общем, чего только не рассказывали.

– Страшно? – спросила тогда Ольга Валерьевна.

А я кивнула.

Никто никогда не спрашивал там, страшно ли нам или весело, или еще как. Их всех скорее волновало наше здоровье, успехи в учебе. Или не успехи. Спортивные достижения. Что-то еще такое, что можно измерить и записать в отчетность, но никак не то, что мы чувствуем.

– Это нормально, – она сняла очки и оказалось, что лицо у нее вовсе не некрасивое. Наоборот. Черты тонкие изящные. – Перемены всегда пугают. Особенно тех, кто до того не видел перемен к лучшему.

И глаза яркие, синие.

– Но это твой шанс, девочка. И неплохой. Что тебя ждет дальше? Не думала?

Я не ответила. Не знала что. Точнее знала, что выбор у нас не такой и большой. Недаром у Ольги Валерьевны был заключен договор с местной суконно-прядельной фабрикой. И уже класса с седьмого наши на ней практику проходили.

Имелись еще молочная ферма неподалеку, мебельная

фабрика и для особо отличившихся – училище, где можно было получить профессию маляра либо плиточника. А, еще повара, но чтобы попасть туда следовало постараться. В общем теперь-то я понимаю, что выбор этот в целом был очень даже неплохим.

И стоил он Ольге Валерьевне немало.

Но тогда...

Хотя вру. Тогда я еще не сильно думала о будущем. Оно казалось чем-то далеким, скорее уж я, как и все, слушала разговоры старших девочек. И их обиду, раздражение.

Зависть.

К тем, городским, у кого есть родители. И мечты, что тоже родители найдутся, а если не они, то родственники, все-непрерменно богатые, которые заберут, увезут, устроят...

– Я стараюсь, – Ольга Валерьевна разминала пальцами виски. – И даю столько, сколько получается. У всех выпускников будет профессия, которая позволит им прокормиться. И угол.

Комната в общежитии.

Впрочем... да, теперь я знаю, что порой и её не получалось выбить.

– Но ты можешь добиться большего. Ведьмы... нас не так и много.

Их?

Почему-то тогда, много лет тому, эта оговорка прошла мимо меня. А теперь вот выплыла. Боль и бред сделали вос-

поминания яркими.

– И не скажу, чтобы это было на пользу ведьмам... впрочем, не важно. Дар твой слабый. Первое поколение как-никак. Лучше будет, если ты примешь это как данность. Понимаешь?

Я не понимала. Но кивнула.

– Впрочем, твое упорство говорит о многом... итак, у тебя будет несколько вариантов. Первый и очевидный – целительство. Почет. Уважение. И деньги, несомненно. Если кто-то будет говорить, что деньги не имеют значения, не верь. Имеют.

Это я уже знала.

Девочки постарше порой убегали в город. Думаю, Ольга Валерьевна знала о побегах, как и о том, что предотвратить их почти невозможно, а потому закрывала глаза, требуя лишь соблюдения приличий.

Но я не о приличиях. Из города девочки возвращались, порой принося с собой удивительные вещи. Вот цепочки. Или браслеты. Или просто купюры, которые прятались под подушкой. Да, у нас не крали. За воровство Ольга Валерьевна наказывала жестко.

– Однако я бы не советовала.

– Почему?

– В целительство как правило идут урожденные ведьмы. Те, за которыми стоит семья. Ты пока не понимаешь, но просто поверь. Семья дает многое. В первую очередь – силу. Дар

ведьмы отличен от магического и в первую очередь тем, что старая ведьма передает свою силу молодым. Родственницам ли, ученицам... чаще все же родственницам. А те преумножают и снова передают. И чем старше род, тем...

– Больше силы?

– Именно. Добавим, что заклятья исцеления как правило весьма затратны. И ты, если и потянешь, то лишь самые простые. Те же заговоры, травы. А это – уровень деревенской знахарки. Их же время ушло. Современная медицина вполне справляется и без знахарок.

– Тогда... что?

Помню, что обидно стало. Я ведь... хотела лечить. И ради этого тренировалась. Чтобы справиться, чтобы... спасти, пусть не маму, но кого-то.

– Не так-то и много. Сельское хозяйство, – она посмотрела на меня и поморщилось. – Впрочем, тут от тебя тоже особо пользы не будет. Силенок маловато. Сарай от крыс ты заговоришь, а вот на амбар не хватит... пара коровенок? Но в колхозах сотни голов, да и опять же, большую часть ветеринары со скотиной справляются.

Она вздохнула.

– В участковые иди.

– Это как?

– Обыкновенно. Вон, выделяют тебе кабинет где-нибудь в опорном пункте. Будешь сидеть, людей принимать. Там... кому квартиру почистить, кому порчу снять. И далее по

списку. Обходы территории. Замеры энергии. Ничего сложного, хотя да, работа нудноватая. Но зарплата неплохая. Жилье положено служебное. Премии. Со временем и выслуга пойдет. Надбавки за вредность... в общем, для тебя – вариант идеальный.

Ольга Валерьевна поглядела с... сочувствием?

– Ты умная девочка. И что куда важнее, старательная. Просто помни, что в этой жизни тебе надеяться не на кого...

Права она была.

Как же права...

А я, как уехала, даже письма не написала. Сперва потому что боязно было. Да и порядки в специнтернате были такие, что привыкала я к ним долго. Потом как-то и недосуг.

Но я училась.

Дар колобродил. Дар прорастал в меня, заставляя вспоминать, вытаскивая всю мою никчemuшную жизнь день за днем.

...я училась.

Старалась. И дар слабый, но там, в специнтернате, все такие, или первое поколение, или второе, уже чуть посильнее, но еще не настолько, чтобы от учебы отказаться. Это только родовитые домашнего обучения держались.

Я же...

Я впервые начала понимать, насколько слаба.

– На от, – рот мне открывают силой и льют в горло горький травяной отвар. Я глотаю, чтобы не захлебнуться, ненадолго

выбираясь в реальность или почти в реальность. – Что ж ты, девка-то так...

Афанасьев стягивает и юбку, и колготы.

И растирает ноги едкой мазью, вонь от которой заставляет меня морщиться и хныкать.

– Давай, давай, не отлынивай. Старайся. Ты тоже силу принять должна, а не только она тебя.

Он натягивает на ноги носки из толстой колючей шерсти. У меня таких не было. А на плечи падает одеяло.

– Ничего, авось, не помрешь...

Сомнения в его голосе вполне явные. Но я не собираюсь умирать. Я... живу.

И снова прошлое.

Специнтернат. Подруги... не случилось подруг. Были приятельницы, которые держались рядом, потому что, странное дело, теория давалась мне легко. Любая.

Матмоделирование.

Черчение. Двухмерное и трехмерное. Последнее шло факultatивом, потому как на заклятья этого уровня требовалась сила, которой не было даже у Алечки, ведьмы в третьем поколении, весьма этим обстоятельством гордившейся. Что уж обо мне говорить-то?

Я просто...

Просто увлеклась. Да и все одно заняться, кроме учебы, там было нечем. Вот и вышло, что к выпуску у меня имелся неплохой запас теории, золотая медаль и та же капля сил.

– Не знаю даже... – нынешняя директриса походила на Ольгу Валерьевну и повадками, и статью. – С одной стороны, у тебя явно талант. С другой...

Силы.

Силы, которых нет. Или почти нет. А потому толку от этого таланта?

– Но рекомендации я все-таки дам... жизнь – сложная штука. Всякое получится может. А ты гляди, дар не растрачь... и да, на целительский тебе соваться смысла нет.

– Знаю, – спокойно ответила я. – Я в участковые пойду...

Я бы уже могла. Диплом специнтерната позволял работать, пусть и с некоторыми ограничениями. Но... если шанс выпадает в университет пойти, то почему бы не воспользовалась?

– Вот и умница.

Глава 3

Поступление...

Запомнилось плохо, как и первый курс. В отличие от целительского, факультет общей ведовской практики популярностью не отличался. На нас смотрели свысока, да и мы, как это принято говорить, знали свое место. Я... училась.

Пусть две трети заговоров и заклятий оставались доступны мне исключительно в виде чертежей, но я все равно училась.

С непонятным себе самой упорством.

С твердой уверенностью, что это упорство будет вознаграждено. А может, с пониманием, что кроме учебы у меня ничего-то нет.

Подруги? Семья?

Увлечения?

Дружить я так и не научилась. О семье давно уже не думала, слишком это было больно, а из увлечений была как раз учеба.

И потому, когда однажды ко мне подсел Гришка, я онемела. А он сказал:

– Говорят, ты в матанализе шарить. Вправду что ли?

Я только и сумела, что кивнуть.

– А у меня вот, не ладится, – он открыл методичку. – Надо

третью. Я и так, и этак...

– Покажи, – вид задачника вернул меня на землю. Ну да, что еще может понадобиться красавчику-аристо от простой девчонки.

Он робко подвинул тетрадь с расчетами.

– Ты... извини, пожалуйста. Я бы не полез, но если сегодня не сдам, меня Бизон отчислит. А мне нельзя. Никак.

Гришка учился тремя курсами старше. И задачка была непростой, но интересной. Мы такое еще не проходили, но если взять справочник и подумать, то все не так и страшно. Я справилась. А потом еще долго, муторно объясняла Гришке, как именно она решается, потому как Бизон точно не удовлетворился бы тетрадью. Он любил до сути докапываться.

Так и повелось.

Тем же вечером Гришка постучал в дверь нашей комнаты.

– Привет, – сказал он, улыбнувшись мне. – Погуляем?

И протянул пучок свежесобранных ромашек.

Я согласилась.

Дура... какая же я дура была... Эта боль была сильнее той, что корежила меня изнутри, и на мгновение я почти очнулась. Ровно для того, чтобы проглотить очередную порцию зелья.

Афанасьев лжец.

Не знает он... не понимает... зелье-то непростое. И травы собраны правильно, и слово над ними сказано. И стало быть, кто-то их собирал, кто-то готовил, заговаривал... меня

трясло мелко-мелко. И кажется, я потела. А он обтирал меня старым полотенцем.

И обтерев, смазывал той же мазью. Воняла она...

Вонь загоняла меня в прошлое. Или я сама спешила в него сбежать?

Роман...

Роман у нас вспыхнул.

Как же мне завидовали. Те, с кем я училась, и те, с кем не училась, тоже. И только Анька, которая пришла со мной, как-то обмолвилась:

– Будь с ним осторожней.

– Чего?

Я решила, что она тоже завидует. Конечно. Ему бы Аньку выбрать. Она красивая. Некрасивых родовых ведьм не бывает, разве что совсем старухи. Уже в поколении втором-третьем сила сказывается. И чем больше её, тем... нет, не красивой ведьма.

Притягательней.

– Он хорошего рода, это да, но обедневшего в край. А потому будет искать правильную невесту. И сперва к ведьмам из целительского все захаживал, выбирал, – пояснила Анька, глядя на меня с жалостью, которой я тогда не поняла. – Но там-то все ученые. Быстренько разобрались. Там... свои женихи.

Я прикусила губу.

Слушать такое было обидно. И больно.

– Ты умная. Ты сама не понимаешь, насколько умная... всегда тебе завидовала. Мне это все дается тяжело. А ты... еще бы силы тебе.

Мы обе вздохнули.

– Если просто погулять, то гуляй, – сказала Анька. – Он красивый. И обходительный, но... если ты думаешь, что это любовь, обожжешься. Больно будет.

И права оказалась.

Анька... Анька сумела поступить в магистратуру. Вот ведь, умная я, а поступила она. И хотелось бы сказать, что дело в силе и в связях, но правда в другом.

Да в силе, но еще и в том, что любовь захлестнула меня с головой. Я жила ею. Я пила её. И не могла напиться. Я... я словно получила то, чего была лишена.

Внимание.

Заботу.

А чем за нее приходилось платить? Помощью. Это же нормально, помогать тому, кого любишь. Проекты. Практические, которых на Гришкином факультете едва ли не больше, чем лекций. А у него сила есть, но с пониманием сложности.

И надо объяснять.

Раз за разом. Терпеливо. Дело не в нем, что он не понимает. Дело во мне. Я объясняю плохо.

Дура... какая же...

А кроме того надо готовить. Убираться и в его комнате, потому что ему некогда и не мужское это дело. Следить... за

всем следить.

Еще прогулки вечерние.

И его собеседования, к которым тоже надо готовиться. Готовился он. Слушала я... и как-то незаметно сама съехала на тройки. Даже Бизон покачал головой:

– А разумной казалась, – бросил он, окончательно убеждаясь, что наука – не для женщин.

Чтоб вас...

Гришка поступил в аспирантуру. И все продолжилось. Я... тянула. И свое, и его, но свое – по остаточному принципу, перебиваясь с тройки на тройку. Пару раз едва не лишалась стипендии, но тут уж Гришка начинал сердиться. Стипендия – это ведь доход. А мне, как сироте, повышенная полагалась. И еще доплаты от города за согласие участвовать в программе распределения.

Деньги же нужны.

У него совсем с ними туго. А я могу взять еще пару контрольных, не Гришкиных, нет, но за них заплатят.

Нет, вот где были мои мозги? Хотя... не только мои.

Работу Гришка нашел легко и неплохую, хотя, конечно, сам он полагал, что достоин большего. Но его зарплата позволила снять махонькую квартирку, в которую переехала и я. Теперь понимаю, что порядок наводить в этой квартире надо было, потому меня и прихватили.

Вот и...

Когда все закончилось?

Хотя... было ли у нас что-то вообще, кроме моей большой фантазии и желания иметь семью? Я ведь и вправду считала, что она у нас. Настоящая. Конечно. Она ведь на любви и доверии строится, а штампы и прочие глупости – совершенно лишнее.

Больно.

Как же больно... там, в животе.

И туман воспоминаний расступается. А я вижу женщину. Ведьму. Старую ведьму. Старую не столько по годам, сколько по силе той, что в ней клубится.

– Я... я не нарочно, – говорю ей, чувствуя, как слезы кипят на глазах. – Я... не сама... он предложил...

– Тише, – её ладонь касается моих волос. Она теплая, горячая даже, но вместе с тем исходящая сила унимает боль. Становится вдруг легко-легко. – Натворила ты, девочка, конечно...

Натворила.

Знаю.

Ведьме нельзя делать то... то, что я сделала. Ведьма, она с миром связана. А я сама, своими руками... не своими. Но тогда ведь казалось, что это – единственно правильное решение.

– Но то не только твоя вина, – старая ведьма второй рукой взяла меня за подбородок. – Глупенькая. Молоденькая. И учить некому. Но голова и вправду светлая. И душа тоже... ничего, прочее исправим. Но смотри, второго шанса не

будет.

Пальцы легли на шею.

А ведь она и убить может. Легко. Ну и пускай. Не так больно будет.

– Закрой глаза, – велят мне. И я подчиняюсь. А сила... сила внутри будто унимается. Она еще не моя, да и не станет таковой. Может, у моей дочери.

Если у меня будет дочь.

Беременность была некстати. Последний год его учебы, я тоже студентка. И ни работы, ни перспектив внятных. Из общаги точно погонят, если в академ уйду. Да и стипендия закроется. А кроме нее доходов нет, не считая, разве что ставшей уже привычной подработки с контрольными и практическими. Только это ведь мизер.

А ребенку многое нужно.

Он был ласковым, Гришка. Он никогда не требовал, не давил, но просто рассказывал, что нельзя жить в нищете, что я его возненавижу. И мы сами все разрушим.

Просто еще не время.

Просто...

А ведьмам нельзя аборт? Это предрассудки, не более того. Многие ведь делают. И у него есть знакомый, который может все провернуть тихо, не привлекая лишнего внимания.

Слезы.

Слезы горячие. Я не плакала тогда. И потом тоже. Я вовсе выкинула это из головы, запретив себе думать, запретив себе

плакать. А они все-таки вырвались.

– Плачь, девочка, – старая ведьма обняла меня. И теперь я чувствовала её запах. Пахло от нее, как от мамы... как в детстве, когда казалось, что твое горе – самое горькое. И только с нею, с мамой, можно его пережить.

Пережила.

И выжила.

Машеньку он встретил на работе. Тогда уже и меня распределили, причем, как ни удивительно, в Москве оставили. Нет, не Гришкиными стараниями, подозреваю, Бизон помог. Он в комиссии сидел. И уже потом, когда я подмахнула бумаги, к слову, не глядя, буркнул:

– Чтоб ты так за себя училась, как за других.

А я...

Я опять не поняла.

Глупая. Влюбленная. Или любящая? Или просто запутавшаяся, увязшая в чужой игре? И хотелось бы переложить вину, сказать, что да, я не при чем, что все это – Гришка. Его обаяние. Его таланты.

Только...

Себе не стоит врать. Моей вины тоже изрядно.

Машенька.

Не знаю, когда и как у них там все началось. Я сама-то пыталась приспособиться к работе, которая совсем-совсем не походила на то, что я себе придумала. Вредные старухи. Жалобщики. Какие-то доносы, требования. Старые бумаги и от-

четы, которые надо было разобрать просто-таки срочно. Начальник, взирающий свысока и с сомнением. Он хотел нормальную ведьму, а прислали меня. Слабосилок и троечница.

И от его взгляда, от недоверия становилось обидно.

Наверное, именно там, в моей комнатке, махонькой и тесной, я и начала приходить в себя. Я... увлеклась. Да. Отчетами. И склочными старухами, которым на самом деле нужны были вовсе не зелья с амулетами, а просто пару минут разговора. Начальником, который все еще смотрел на меня с подозрением, но хотя бы кривиться перестал.

Афанасьевым и его пирожками.

Я стала задерживаться. Потому что вдруг поняла, что домой идти совсем не хочется. Что дома Гришка, снова чем-то недовольный. А еще невымытые полы и ужин. То есть необходимость его приготовить, ведь у Гришки желудок слабый, и гретое, а тем паче вчерашнее, он не ест.

Потом он вообще перестал есть. А я, вместо того, чтобы забеспокоиться, вздохнула с облегчением. Как же... я сама могла и пирожками довольствоваться. И кефиром из соседнего магазина, мне там Олька, продавщица, оставляла бутылку свежего.

Он первым заговорил о расставании.

Даже не так. Это был очередной вечер. Кажется, осень. И темнело рано, а фонари у нас горели едва-едва. И я раньше просила его встречать, и Гришка даже встречал пару раз, но потом его задерживали на работе. Или просто работы было

много и он уставал. Или еще что-то случилось. В общем, сама я привыкла ходить по темной аллее до темного же дома. Свет не горел и в подъезде.

Пахло затхлостью и плесенью.

В квартире не лучше.

Я вошла. И разулась, тихо ругаясь. По дороге в темноте в лужу вступила, и ботинок промок насквозь. Отопления же не дали, и придется как-то его на полотенцесушитель при-
страивать, а Гришка этого не любит.

Он был дома.

На кухне.

Чаю сделал. Себе. И сказал:

– Ты стала поздно приходиться.

– Да... опять... Марковна пришла, жалуется, что у нее со-
седи кота сглазили, тот есть перестал, – ноги замерзли и я
прямо там, в коридоре, стянула колготки. Их тоже придется
стирать, а потом закручивать вокруг теплой трубы полотен-
цесушителя. Запасные еще вчера дорожку пустили, так что
без вариантов.

– Нам надо поговорить, – Гришка нахмурился. – О нас.

А я именно тогда и поняла, что... все.

Он говорил.

Долго.

О том, что любит меня и всегда любил, но обстоятельства
складываются так, что наша с ним любовь обречена. Что у
него есть долг перед семьей и родом. Что на него надеются.

Матушка. Сестра...

Я еще подумала, что за столько лет ни разу их не видела.

А он все продолжал. Про шанс, который нельзя упустить. Про Машеньку, служившую секретаршей в министерстве. Про то, что она – генеральская дочь. И отец её может поспособствовать карьере Гришеньки. А я, если люблю его не только на словах, должна отпустить его.

Вот прямо сейчас.

Что мы в конце концов не муж и жена. И у каждого – своя дорога. И он готов мне помочь в первое время, но так-то я должна требовать служебное жильё, которое положено.

Я слушала и не понимала.

Слушала и...

И понимала, что не чувствую ничего. Обида? Горечь? Внутри будто заморозили все. И главное, сердце-то ровно билось. Я почему-то сосредоточилась на этом вот стуке, сердца, будто не стало ничего-то важнее.

– Так ты уйдешь? – из состояния ступора вывел этот, полный надежды вопрос. – Хотя... извини. Чего это я. Я сам... я уже и вещи собрал. А квартира оплачена. До конца месяца. Тебе хватит времени, чтобы сориентироваться. И денег оставлю.

Оставил.

Почти месячную зарплату. Наверное, с его стороны это было благородно, но... когда закрылась дверь – вещи Гришки уместились в небольшой чемодан, к слову, новый, может,

даже купленный именно для этого бегства, – я расплакалась.

Горько.

И громко. С подвываниями. С закушенным кулаком. И без слез. Я выла и раскачивалась. Раскачивалась и выла. А потом отключилась, как была, в коридоре.

Утром же собралась на работу.

И даже работала.

Этот день. Следующий. Вот ведь... когда-то давно мне казалось, что, если Гришка меня бросит, я умру. Вот прямо на месте. А ничего. Жила. Пошла к начальству, слегка заикаясь попросила жилье. А то долго буравило взглядом. И сказало: – Комната есть. В общежитии.

Я согласилась.

Через два года комната сменилась служебной квартиркой, пусть махонькой, переделанной из бывшей дворницкой, но я не капризная. Мне самой много не надо. И свою квартиру я не то, чтобы полюбила, привыкла вот, прижилась. И все-то устаканилось, облеглось, сделавшись привычным. День за днем.

Месяц за месяцем.

Год за годом.

Три года, оказывается, прошло. Много? Мало? Смешно, почти и не помню их, до того все дни одинаковые. Главное, что прошли, сгинули, как и не было.

Только вот начальство сменилось. И когда я увидела Гришку, то сразу поняла, что пора собирать вещи. Было бы

что собирать... даже котом не обзавелась.

Еще ведьма, называется.

Почему-то сейчас эта мысль застряла в голове, вытеснив все прочие. Кот. Угольно-черный с зелеными глазищами и диким нравом. Такой, который будет гулять, где захочет, а возвращаться изредка. Еще реже – давать себя погладить...

– Будет тебе кот, будет... – заверил кто-то, закутывая меня в теплое одеяло. – Доживи только.

А я что?

Я доживу.

Мне не сложно.

– Вот и умница, вот и хорошо, – бормотание Афанасьева доносилось сквозь муть из боли и тоски. – А то ишь... явился... думает, не понимаю, зачем... ничего... вот удивится-то. Все они там... удивятся.

И хихикнул как-то так тоненько, по девичьи.

Я удивилась. И уснула.

Глава 4

Проснулась я от сухости во рту. И еще от того, что было невыносимо жарко. Кожа покрылась липким потом, а кости ломило. А главное, что когда я попыталась пошевелиться, то выяснилось, что не могу. То есть пальцами двигать могу, а больше – нет.

Испугаться я не успела. Сообразила, что это все из-за одеяла, в которое я закуталась так, что только нос наружу и торчал.

И нос этот щекотало перышко.

Я чихнула.

– Будь здорова, – донеслось откуда-то со стороны окна. И раздались тяжкие шаги. Пол под весом Афанасьева скрипел, напоминая, что старый он и давно бы поменять надобно. – Ну как, живая?

– Н-не... знаю, – призналась я. – Что...

– Сила, – он вытряхнул меня из одеяла легко. И это же одеяло на спину накинул. – Думал я, что ты покрепше будешь.

Я съежилась.

Тело еще болело. Сила... сила словно бы растворилась внутри. Она есть? Или ушла? Тоже ведь бывает. И если так, то выходит, что не в коня корм?

Обидно.

И... обида всколыхнула, сдвинула что-то там, внутри.

– Тихо! – рявкнул Афанасьев. – Не заставляй меня жалеть.

Сила была.

Силы было много. так много, что я даже растерялась. И все же ощущалась она заемною? Похоже на то.

– Извини, – я сглотнула. – Пить...

Он подал мне кружку с горьким настоем. Но возражать я не стала. Пить хотелось неимоверно, я бы, пожалуй, и яду бы выпила.

Травы...

Любисток.

И еще полынью отдает. Полынь всегда горькая, но нынешняя – особенно. Ромашку и то перебивает, а ромашка – трава ясная, со вкусом таким, что зубы с непривычки сведет. Главное, что и остальные компоненты не чувствуются.

– Это... вы делали?

– Я, – Афанасьев присел напротив кровати. Надо же, не в форме. Клетчатая рубаха навывпуск, старые потертые на коленях штаны. Спортивные. С лампасами. И тапки застиранные. Тапок таких у меня точно не было.

– Вы... наврали?

– В чем? – и насмешечка.

Он совсем-совсем иной. Там, в участке, я привыкла к тихому старику. Афанасьев обычно сидел на дежурстве, вел журналы и так, по мелочи. Порой выходил за пирожками и делал в подсобке чай. Там же, среди старых газет, тряпок и

прочих забытых вещей, Афанасьев прятал старый чайник. Еще у него был телефон-раскладушка, из самых первых. И менять его на новую модель Афанасьев отказывался. Компьютер он тем паче не признавал.

И вообще был этаким привычным... злом?

Нет, никогда. Наоборот, он единственный когда-то отнесся ко мне без предубеждения, впрочем, снисхождения тоже не проявлял.

– Спасибо, – я допила до последней капли. – И... извините.

Теперь почему-то я не могла к нему на «ты».

– Вы... ведьмак?

Ведьмаки – редкость, хотя не сказать, чтоб вовсе уж редкостная.

Он чуть склонил голову и прищурился.

Старый.

Не такой, как книга... но сколько ему на самом-то деле?

– Она ведь давно умерла, ваша бабушка?

– Не особо.

– Но... она ведь была старше, верно? За сотню перешагнула? Вам сколько? Ведьмаки ведь тоже стареют медленнее обычных людей. А вы...

– Стареют не от лет, стареют от жизни.

– Но... пенсия... вы ведь на пенсию вышли еще до того, как я появилась. Значит...

– Я на Северах жил одно время. А там стаж по-иному

идет.

Отговорка. Может, и по-иному, но не настолько же. Ему точно... за шестьдесят? Семьдесят? А бабке его?

– Она ведь за сотню перешагнула, верно? Ваша бабушка...

Хмыканье.

И кивок.

– Тебе-то с этого что?

Ничего. Хотя... может, задумалась бы, прежде чем этакий подарок принимать. Или нет? Думала-то я всегда с запозданием. И теперь тоже.

– А вы... почему не взяли книгу?

Он провел ладонью по щеке, придавливая отросшую щетину. Вздохнул.

– Нету в том смысла, девонька... силу-то я взять могу, да на мне она и кончится. Все ж таки такие, как я, скорее выверт природы, чем путь.

Ломота отступала.

– Да и своей мне доволи. Пусть ведьмак, но род за мной старый стоит.

А ведь он мог бы пойти учиться. Или даже нет, просто заявку подать, в профсоюз, встать на учет, получить лицензию, практику открыть. Многие так делают. У нас на курсе было двое ведьмаков, и оба, сколь знаю, неплохо устроились.

Афанасьев вон в травах разбирается отлично. И думаю, не только в них.

На меня поглядел, пальцами лба коснулся и руку убрал.

– Моя от... супруга бывшая, тоже как прознала, то и...
– он махнул рукой. – Начала ворчать, что способности, что возможности... я и поддался. Тогда-то аккурат и вернулся.

– С Северов?

– Не, там я еще раньше был. С корабля списали. По собственному... не важно. Главное, жена молодая, ей в столицы охота. И я рад угодить. Но приехать-то приехали, на службу устроился. Участковым. От как ты...

Слабо верится.

– А тут аккурат высочайшее дозволение вышло. Императорское.

Это ж когда было-то? Мы проходили. О признании ведьм и ведьмаков, об уравнивании прав с магами, о мерах, позволяющих улучшить обслуживание... и что-то там еще.

Это ж до моего рождения.

Задолго.

– Многие не особо верили, а я вот рискнул. Открыл кабинетик, травки там, заговоры. Практика, стало быть, частная. Оно-то дело пошло, конечно.

Афанасьев вздохнул и поднялся.

– Да только скоро мне тошно сделалось. Не мое это... совсем. Терпел, терпел, да и... – он махнул рукою. – Хреновый я ведьмак. А от участковым неплохим был. Вставай. Иди ополоснись и поедем.

– Куда?

– К доктору. Больничный закрывать.

– А...

– Ушла она от меня, – на мой невысказанный вопрос Афанасьев все же ответил. – К полковнику одному, пусть не слишком родовитому, но с перспективою. Я не виню. Она иной жизни желала, которой я дать не мог. Её и получила. Была счастлива.

А он?

Был ли? Он ведь одиночка, а... спрашивать неудобно.

– Иди, давай, – Афанасьев отвернулся. – А то ж люди ждут.

Я и пошла.

Ванная комната в моей каморке имелась. Ну как, комната. Крохотная, куда только и влез, что умывальник да штанга с душем. Я задернула старую шторку и включила воду. И стояла. Просто стояла, позволяя воде смывать с тела и пот, и остатки зелья.

Все одно странно...

Почему Афанасьев в реестрах не числится? Если дело свое открывал, то должен был получать лицензию. А значит, и в реестр попал бы. А там, коль попадаешь, то и остаешься до самой смерти.

Но тогда на деле имелась бы отметка.

Или она имелась?

Мне-то личные дела в руки никто не давал. Не того я полета птица. Хотя... будь такая отметка, участок считался бы укомплектованным. И запрос на ведьму не удовлетворили

бы, а повесили бы все эти дела на Афанасьева.

Или в те времена, сразу после выхода высочайшего указа, никто реестров не вел? Может и такое случиться. Тогда-то бумаг было больше, но и терялись они куда чаще. Никаких тебе общих баз, облачных хранилищ и мгновенного обмена информацией.

Нет.

Все равно ничего не понятно.

Кроме того, что мне, кажется, очень сильно повезло. Но это-то и подозрительно.

Закутавшись в старенький – еще в студенческие времена его прикупила, с первой стипендии – любимый халат, я выглянула из душа.

Афанасьев колдовал над плитой.

Плиткой. Нормальная-то плита не встала, а вот плитку электрическую я прикупила. Одной много ли надо? Холодильничек тоже подобрала как-то.

И вот куда его?

С собой?

А как? Еще ведь вещи, пусть немного, но все-таки... и телевизор. Ноут ладно, он маленький, кину в сумку и все. Телефон. Зарядки. Что еще? Косметику. Полотенца в количестве трех штук и массажер для ног, приобретенный в пору осенней депрессии. Я его даже распаковала.

– Садись, – велел Афанасьев.

Стол у меня был так, не стол даже, а доска, приставлен-

ная к подоконнику и ножкою подпертая. Сотворила его не я, а жилец, который обрелся в этой норе до меня. Но я приспособу оценила.

А вот стул уже родной, притащенный с ближайшей по-мойки.

Нет, участковые ведьмы получают неплохо, но мне вот как-то всегда было жаль деньги тратить. То ли сказалась привычка экономить, то ли сама по себе я была жадной.

Стало вдруг стыдно.

И перестало.

Афанасьев раскладывал по тарелкам яичницу. И вот как получилась-то! Белые озера белка, который схватился плотно, без соплей, и в то же время яркие острова желтков. Сверху – мелко порубленный лук.

Кусок сливочного масла, что таял и расплзался тонкими ниточками.

Хлеб.

И тушенка, вывернутая из банки в глубокую миску.

– Ешь, – Афанасьев подвинул тушенку ближе. – Не стесняйся.

Я бы, может, и застеснялась, но голод... запах... кажется, в жизни я такой голодной не была. А потому только и выдавила:

– Ш-пасибо.

С набитым ртом, конечно, не слишком вежливо, но плевать. Так мы и ели. Я жадно, пусть и стараясь не подавиться,

Афанасьев – неспешно и явно за компанию.

После и чаю сделал.

И варенья подал. И снова пирожков выложил, найсвежайших.

– А колени у тебя не болят, – я приняхалась. Пирожки были с яблоками, да не просто тертыми или там кусками, нет, такие мама пекла. Яблоня-то у нас была старая, яблоки давала мелкие и суховатые, вот она их и нарезала, и скидывала на сковороду, туда же отправляла пару ложек сахара и кусок сливочного масла.

Надо же.

А казалось, я о той жизни ничего-то и не помню.

Но лучше бы и не помнила вовсе, до того вдруг тошно сделалось. И тоскливо.

– Отчего же, болят.

– Только от моих мазей толку немного, – я все-таки стянула пирожок. И укусила, закрыв глаза. – Почему? Почему именно я? Я ведь не самая сильная...

– Сила без надобности. Он, хватает.

– И не самая умная...

– Не скажи. Говорил я с одним своим старым знакомцем... он еще раньше приходил, спрашивал.

Бизон?

– Борис Игнатьевич?

Зоненко. Если взять первые буквы имени и отчества... кому и когда из студентов это пришло в голову? Без понятия.

Но кличка приклеилась. Пусть даже ничего-то в облике его не было бизоньего, напротив, Зоненко был высок, тонкоко-стен и сухопар. И походил скорее на престарелого журавля.

– Он самый. Искал место для одной способной дурочки.

Надо же... а я бы никогда и... и выходит, думаю я о людях хуже, чем они того заслуживают. Совестно. Но не настолько, чтобы кусок поперек горла встал.

– А мне аккурат нужна была толковая ведьма, с головою от мусора свободной.

– Это не про меня, – вздыхаю и запихиваю в себя пирожок.

А чай – с травами. Чабрец чую, еще самую малость – календулы цвет. Капля брусничного листа.

– Ну... любовь-морковь, дело молодое... оно и ладно вышло. Складно, я бы сказал. Прямо одно к одному, – Афанасьев потер руки. – Ладно, ты меня глазами-то не сверли. Оно-то да, голову тебе задурили изрядно, но зато теперь, разок обжегшись, не купишься.

– На что?

– На слова красивые.

– Наверное, – честно говоря, хотелось бы думать, что я повзрослела, поумнела, но что-то, должно быть остатки здравого смысла, подсказывали, что не стоит сильно уж на то надеяться.

– Поглядим, – Афанасьев потер подбородок тыльной стороной ладони. – Но ты права... мази твои, уж извини, составлены толково. Для города. Но силы им не хватает.

Это я и сама знаю.

– И на будущее. Травы сама бери. Сборы эти, фармацевтические, даже которые с лицензией, не то. Через многие руки травы проходят, а потому, даже правильно собранные, силы изрядно теряют.

И это знаю.

В университете рассказывали. Вон, даже целый курс был, об основах заготовки лекарственного сырья. Годовой, между прочим. А потом еще отдельные, по консервации, сушке или правилам хранения семян. Корней. Плодов и прочего. Еще там чего-то...

Но откуда в городе целебным травам взяться?

Вот и закупаем.

Даже родовые ведьмы давно уж услугами фармацевии пользуются. Ну, для большинства зелий. Оно-то поговаривают, что у каждого рода есть своя земля, а при ней – махонький такой садик. Или огородик. Но сколько в том правды, понятия не имею.

– От ничего, поедешь, оглядишься... оно и к лучшему. Вещицы твои я собрал. Документики тоже. Вот как больничный закроешь, так сразу и отправимся.

– И... ты?

– А как же, – он пожал плечами. – Довезу, чего уж тут. Ты ж вон, едва на ногах держишься. Куда тебе с чемоданами.

– И холодильником...

– Вот, и холодильником. Так что допивай и одевайся. А

то этот твой... поганец весь прямо извелся.

И усмехнулся так... выразительно.

Интересненько... и где это Гришка успел дорогу ему перейти?

Но вопрос я попридержала. Чай допила.

– Я... скоро.

Афанасьев кивнул и тарелки собрал, поставил в умывальник, буркнувши:

– На улице буду.

Как ни странно, но в поликлинике мы управились быстро. Афанасьев с кем-то поздоровался, кому-то кивнул, махнул и вот мы уже в кабинете, где молоденький целитель пытается скрыть свое недовольство. Но осмотр проводит.

И больничный подмахивает, правда, ворча под нос что-то этакое, об обнаглевших в конце ведьмах.

Диагноз...

Знакомый код.

Переутомление. Магическое истощение. Ах да, лист рекомендаций мне тоже суют в руки. Что там? Режим питания, отдыха и сна. Прогулки на свежем воздухе и минимизация стрессов.

– От видишь, – Афанасьев выдрал листок из моих рук. – Все как надо! Сиди тут.

Он сам отнес больничный в бухгалтерию, и сам же вернулся оттуда с обходным листом, уже заполненным и оформленным, под которым мне только и надо было, что подпись

поставить.

Я и поставила.

– Дальше что? – спросила уже даже с интересом.

– Что-что, ужинать. И собираться. С утраца и выедем. По-
ешь только хорошо. Дорога дальняя, но оно того стоит, –
Афанасьев зажмурился. – Места там красивые... душа отды-
хает.

– А вы...

– Оттудова родам.

И почему мне кажется, что это тоже не случайность. Все
не случайность.

– Тогда мне в магазин бы, купить еды. А то ведь как-то...
я одна привыкла. Вот в холодильнике...

– Мышь повесилась, – кивнул Афанасьев. И усмехнулся. –
Не бойсь. Теперь не пропадешь. Если, конечно, глупить не
станешь. Ах да, и денег наличных возьми. С банкоматами
там туго.

Глава 5

Выехали мы и вправду рано, в шестом часу утра. Честно, думала не засну, и даже какое-то время действительно не засыпала, ворочалась все, думала, что о жизни моей странно-никчемушной, что о происходящем. Как-то оно все связано.

Афанасьев с книгой.

И я теперь с книгой, которую, к слову, нашла дома, на полочке, аккуратно между русско-английским словарем и «Полным телефонным справочником г. Москвы» издания тысяча пятьдесят шестого года. Я даже открыла, книгу, не справочник. Погладила страницы. И закрыла.

Потом.

Когда разберусь.

И так, есть книга, Афанасьев и я. А еще есть Гришенька, который вдруг появился не где-то там, а именно на нашем участке. И чем больше я думала, тем более неслучайным казалось мне это появление. Но как его объяснить? Не ради меня же он... тем более сразу выпер.

Этот лог еще... то есть падь, то ли бобровая, то ли беличья, которая под Смоленском. Места заповедные. Да, там места еще те... заповедник или нет, но леса с болотами там имеются и в немалом количестве.

И что это мне дает?

Ничего, кроме муторного сна с пробуждениями через каждый час. Завтракала я кефиром с булкой. Вещи еще с вечера собрала, подивившись тому, что почти и нет их. Вот только холодильник.

И телевизор.

И чемодан, пусть не самый новый, но родной и привычный. А книгу я в рюкзачок кинула, к планшету с телефоном. Как-то, может, без должного уважения, но зато под рукой.

В «Ниве» пахло кофеем и булками, которых на заднем сиденье пакет целый обнаружился.

– Ешь, – предложил Афанасьев.

Мой холодильничек он вынес в одиночку, будто тот ничего и не весил.

– Спасибо, но пока воздержусь. В меня в такую рань не полезет...

– На от, – он вытащил из багажника коробку. – Тут ребята скинулись, думали купить чего, но я сказал, лучше бы деньгами. На обзаведение.

Но они все одно купили.

Шоколада.

Из той самой «Шоколадницы», которая к императорскому двору шоколад поставляет, а потому и покупаются там люди, готовые платить за шоколад столько, словно он из золота отлит.

– Спасибо, – я почувствовала, как на глаза слезы навора-

чиваются.

– Деньги не потеряй.

– Деньги – лишнее...

– Не дуркуй. Деньги лишними точно не будут. Жилье, конечно, тебе будет, вон, бабкин дом стоит без хозяев. Однако все одно пригодятся. А то я не знаю, что в любом доме-то все чужое. И своего охота.

– Но я...

Неудобно, наверное. В конце концов, мы ведь и друзьями-то не были. Как-то не получалось у меня друзей заводить. Так, знакомые. Коллеги.

– Люди, – Афанасьев забрался на свое место и щелкнул меня по лбу. – Они не дурнее тебя. Или меня. И понимают, как оно есть. Не обижай их.

А конфету я за щеку сунула и зажмурилась.

В «Шоколадницу» я как-то заглянула, когда на третий класс с четвертого перевелась, а стало быть, и право на доплату получила.

И доплату эту самую.

А еще начальник премию выписал. Так и сказал, мол, за оправданные надежды... полтора оклада по итогу вышло. Безумные деньги, если подумать. Я и ощутила себя богатой настолько, чтобы заглянуть.

Да...

Шоколад был вкусным, только горьковатым, то ли сам по себе, то ли от воспоминаний.

– Прошлое, конечно, помнить надо, – Афанасьев глянул на меня. – Да только помнить, а не жить им.

Наверное.

«Шоколадница» занимала отдельное строение. Небольшой такой особняк, аккуратненький. Внутри – белый мрамор. Окна в пол. Столики, которые будто в воздухе парят. Ледяные скульптуры. И живые цветы. Всегда свежие, даже зимой.

И я.

И девушки в униформе. Безукоризненно вежливые, но все одно как-то дающие понять, что мне не тут не место. Для таких, как я, есть магазинчик через дорогу. Попроще. Подешевле. А я вот сюда приперлась и глазею на витрину. Там было на что посмотреть. Торты и пирожные, больше похожие на произведение искусства. А еще шоколад. Литой ли. Фигурками ли. Конфетами, сложенными в крохотные коробочки. И в не крохотные.

Запах сладостей.

И смех, который заставляет обернуться. Я вижу Гришку, там, за одним из столиков. И девушку с длинными светлыми волосами. Она и смеется в ответ на его шутку.

К бесам.

К демонам. К нижнему миру.

Конфета истаивает. А я даже не понимаю, с чем она была. И... кажется, тот шоколад, что я брала на рынке у одной старушки, ничуть не хуже. Ну или это я просто ничего в шо-

коладе не понимаю.

– Поспи, – то ли просит, то ли приказывает Афанасьев, и веки тяжелеют, а я проваливаюсь в сон.

Сколько он длится?

Просыпаюсь уже от того, что машина стоит. Заправка? Так и есть. Запах бензина. Поля кругом. Рапс аккурат цветет, а потому желтым-желты. И красиво это. А еще будто дышать легче, несмотря на этот вот бензиновый аромат.

Шея затекла.

Плечи. Ноги.

– Выспалась? – Афанасьев улыбается. – Пошли, пообедаем, чем Бог послал.

И говорит это без шутки.

– А ехать долго?

– Еще часов пять.

Далеконько Гришка меня услал. А ведь тоже интересно, мог бы просто перевести куда на окраину. Как-то ж жил он пять лет, и Машенька его тоже жила со мною в одном-то городе.

И тут...

Бог послал густую шурпу и шашлык. И главное, вкусные, а уж домашняя пахлава с чаем и вовсе заставила забыть обо всем.

Куда там шоколаду...

Хотя шоколад не при чем. Шоколад хороший. И ребятам спасибо.

– Хорошо, – я откинулась на лавку, накрыв руками округлившийся живот. – А теперь рассказывайте.

– Что?

– Правду. С чего вдруг такая забота? И книгу вон дали, и домой проводили, и... сколько вы там меня выхаживали?

Впрочем, сама знаю. Неделю. Целую неделю, которая просто-напросто взяла и выпала из жизни.

– Может, испугался? – Афанасьев ел аккуратно, умудряясь не уронить и крошки, хотя пахлава крохкою была. – Ответственность почувствовал. Я же ж вроде как виноват.

Ага, вот только в глазах ни тени сомнений, насмешка тоже.

– И от чувства вины взялись сопровождать? Документы на перевод сами подготовили? Из бухгалтерии выбили зарплату до срока? И премию? Проездные? Что еще там?

– Суточные. Пока не встанешь на довольствие, будешь числиться командированной.

– Вот... это с книгой связано? И с Гришенькой?

– Гришенька, – потянул Афанасьев и усмехнулся еще шире. – А что? Ему идет. Гришенька и есть... нет, не столько с ним, сколько с женой моей бывшей. И дочкой. Её. Хотя она и врала, что моя.

– Почему врала?

– А потому что ведьмаки не только дар передать не могут, но и кровь, – Афанасьев наполнил крохотные чашечки из огромного медного чайника. – Пей от. Тебе пить побольше

надобно. Это не то, чтоб тайна великая, скорее уж не любят о таком говорить. Кому охота признаваться, что ты бесплодный? Вот и я смолчал в свое время. Подлость оно... но тогда иначе на все смотришь. Любовь голову дурманит да так... тебе ли не знать.

Знаю.

И не осуждаю. Хотя, наверное... или нет. Оно не мое дело. – В свое время я по миру крепко побродил. Дурь кипела ли, кровь отцова ли... он тоже беспокойным был. Или просто... не важно. Но как успокаиваться стал, так её и встретил. Влюбился... тут тоже такое от... мы, как привяжемся к кому, так прикипаем накрепко. Вот и я к ней. В Москву привез, стало быть...

Откуда именно, уточнять я не стала.

Пока.

– Жили какое-то время... неплохо жили. может, она даже любила меня.

А не видела в нем шанс уехать, откуда бы то ни было?

– Но после меняться стала. А я вот нет... не захотел. И не сумел. Говорила, если бы и вправду любил, переломил бы себя. На деле же, девонька, если кто начнет требовать себя переломить, из-за любви там, или еще по какой дурости, не слушай. Не будет с того толку... в общем, как-то так все и развалилось. Нашла она одного... полковника. И ушла. Она-то как ушла, так вроде насовсем. Развели нас быстро. У ей-ного ухажера и связи, и возможности, ну а я не противился.

Смысл-то? Силком себя любить не заставишь. Она же и вещей своих забирать не стала, мол, ей они ныне не по чину, могу бедным раздать, ежели вдруг.

– И вы...

– Роздал. Что уж тут. В церковь отнес... ну да не о том. Уехали они, куда-то к Балтийскому морю, там и были лет пять. Потом уже и в Москву вернулись. Он чин генеральский получил. Ну и остальное там. Квартиру, после и дом выстроил, да, мыслю, не один. Машины. Деньги опять же. Я её сперва и не узнал, когда появилась... такая вся из себя дама... в шубке куцей, на каблучках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.